

УДК-327(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-14-26

**СТРАТЕГИИ ОБОСНОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ ПОСЛЕ 2014 Г.:
АНАЛИЗ НА ПРИМЕРАХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА И
ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ В СИРИИ**

Станислав Мясников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Аннотация

После 2014 г. изменилась траектория внешнеполитического курса РФ, Россия несколько отошла от ранее заявляемых внешнеполитических принципов. Для легитимации внешней политики России требовалось особое обоснование. Осуществляемое российскими официальными акторами обоснование было успешно для внутренней аудитории, однако его успешность на внешней арене неоднозначна. Статья фокусируется на анализе коммуникативных стратегий обоснования внешней политики РФ после 2014 г., которые использовались властями РФ в обосновании присоединения Крыма к РФ и действий РФ в Сирийской Арабской Республике, показано почему обоснование можно считать стратегическим. Применяя инструментарий теории стратегических нарративов, автор выявляет основные стратегические нарративы, используемые российскими внешнеполитическими акторами. Определены стратегии обоснования: коммуникативная защита, коммуникативная контратака, коммуникативная атака и декларация позиции. Выявлено, что коммуникативная позиция РФ в случае обоснования присоединения Крыма изначально была неудобной, но выигрышность коммуникативной позиции РФ в обосновании действий РФ в Сирии могла положительно повлиять на обоснование присоединения Крыма к РФ.

Ключевые слова: Сирия; Крым; В.В. Путин; МИД РФ; легитимация; внешняя политика; стратегии обоснования; международная коммуникация.

Начиная с 2014 г. Россия стала демонстрировать миру новый вектор своей внешней политики. Хотя и существуют научные дискуссии на этот счет – некоторые полагают, что внешнеполитический курс России претерпел изменения после мюнхенской речи В.В. Путина в 2007 г. (Stent, 2008), но именно после 2014 г. изменилось российское внешнеполитическое позиционирование и поведение (см. Кагаганов, et al. 2016; Барановский, 2016). Изменения зафиксированы во внешнеполитической концепции 2016 г., например, в отличие от концепции 2013 г., концепция 2016 г. критикует 61 позицию государств НАТО и ЕС¹, чья политика рассматривается как препятствующая сотрудничеству между государствами; хотя экономические связи России и западных государств обозначены как важные для сохранения и развития, в концепциях же 2008 и 2013 гг. ЕС рассматривался как один из основных партнеров. В новой концепции значительная роль отведена сотрудничеству с государствами, которые не входят в военные альянсы и заявляют о желании сотрудничать с РФ. Присоединение Крыма в марте 2014 г. и вступление России в войну в Сирии осенью 2015 г. – два наиболее ярких примера изменений во внешнеполитических приоритетах. РФ присоединила Крым, хотя до этого момента осуждала нарушение принципа прав территориальной целостности (например, в случае с Косово). В случае же Сирии, применение вооруженных сил осуществлялось на территории государства, не являющегося пограничным для России, соответственно не было повода для совершения превентивных действий в целях обеспечения непосредственной безопасности границ. Данные акции совершались и без одобрения Совета Безопасности ООН, постоянным членом которого является РФ.

Проблема исследования заключается в том, что с учетом таких перемен, а после присоединения Крыма к РФ – осложнения коммуникативной среды (появления контрдискурсов), чтобы легитимировать внешнеполитический курс как на внутренней, так и на внешней аренах, требовалось *особое официальное обоснование*. Такое обоснование могло осуществляться как ad hoc, так и стратегически (при использовании схожих моделей аргументации для разных случаев). *Внешиполитическая пове-*

© Мясников С. А., 2020

¹ См. Сравнение Концепций внешней политики РФ за 2013 и 2016 гг. [дата публикации: 27.12.2016], *Наука и образование против террора*. URL: <http://scienceport.ru/analytics/sravnienie-kontseptsiy-vneshney-politiki/> (дата обращения: 18.06.2019).

стка формируется ответственными государственными акторами, которые и осуществляют *первоначальное обоснование* внешней политики – президент и МИД России (участвует в выработке аргументации и осуществляет обоснование в процессе интеракции на международных заседаниях). Как мы попытались доказать в нашей предыдущей работе, осуществляя обоснование политики, государственные акторы могут влиять на обретение легитимности как политики, так и существующего порядка (см. Мясников, 2019). Напротив, отсутствие такого обоснования или его неуспешность может привести к делигитимации политики и, как следствие, порядка.

Успешность обоснования сложно измерить, косвенными индикаторами служат опросы, а также реакции других международных акторов. Можно предположить, что обоснование присоединения Крыма на внутренней арене оказалось успешным, о чем говорят данные общественного опроса¹. В свою очередь, эффективность обоснования действий РФ в Сирии на внутренней арене была достаточно велика в 2015–2016 гг., о чем нам, например, свидетельствуют данные опроса, проведенного «Левада-Центром»². Однако, в 2017 г. половина респондентов заявляли о том, что Россия должна прекратить военную операцию в САР³, что демонстрирует снижение уровня одобрения российской политики в Сирии. Успешность обоснования для внешней аудитории сложно измерить. Крым не признали российским, против России ввели санкции, данные факты могут быть обусловлены и геополитическими интересами западных стран, хотя одно не исключает другого. Также действия России в Сирии были одобрены не всем международным сообществом. Российская внешняя политика спровоцировала появление контрдискурсов в международной коммуникации. Россию обвиняли в аннексии Крыма, поддержке президента Сирии Б. Асада, в эскалации военного конфликта в Сирии. В этой связи можно предположить, что легитимация Российской политики на внешней арене была затруднена. Согласно данным опроса Gallup International⁴ в 2018 г., Россия воспринималась как дестабилизирующая сила на международной арене, практически наравне с США, хотя восприятие России в 2019 г. улучшилось на несколько пунктов⁵.

С 2014 г. было проведено много исследований, посвященных присоединению Крыма к РФ. Российские авторы говорят о соответствии присоединения Крыма нормам, устанавливающим «право народов на самоопределение» (Томсинов, 2014; Власов и Брега, 2018); западные ученые считают, что Россия нарушила международное право (Marxsen, 2014; Geiss, 2015; Grant, 2015). Исследователи также сравнивают непризнание Крыма и признание Косово в контексте принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности. Так, Москва была солидарна с сербской позицией по Косово, и наоборот, поддержала «право народов на самоопределение» в Крыму, в противовес позиции Украины (Varanovsky, 2015). А. Бебье пишет, что население Косово, в отличие от населения Крыма, подвергалось репрессиям, поэтому эти случаи несопоставимы (Bebier, 2015). Существуют исследования, посвященные рассмотрению крымского дискурса в СМИ. С. Хатчингс и Дж. Шостек показали, что российские медиа в своем освещении крымских событий выделяют собственную идентичность России, основанную на культурно-исторической базе (Hutchings and Szostek, 2015).

Также изучалось и участие России в Сирийском конфликте. Применение Россией ВС в Сирии объяснялось тем, что Россия преследует «великодержавные» интересы (Averte and Davies, 2015). Анализ взаимодействия США и РФ в сирийском конфликте показал, что российская интервенция в Сирию переросла в прокси войну между РФ и США (Stent, 2016). Изучение выгод российской политики в Сирии для внутренней политики РФ продемонстрировало, что участие России в Сирийском конфликте могло способствовать укреплению доверия к власти внутри России (Dannreuther, 2015). Также исследовалось и то, как СМИ освещают роль России в Сирийском конфликте. Например, Д. Стровский пришел к выводу, что российские медиа в контексте сирийского дискурса зависели от российской власти (Strovsky, 2015). Однако автор не анализировал официальный дискурс и не проводил сравнение официального и медиа-дискурсов, что вызывает вопросы относительно его выводов,

¹ Присоединение Крыма [дата публикации: 01.04.2019], *Левада – Центр*. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/01/prisoedinenie-kruma/> (дата обращения: 24.12.2019).

² Сирийский конфликт [дата публикации: 31.10.2016], *Левада-Центр*. URL: <https://www.levada.ru/2016/10/31/sirijskij-konflikt/> (дата обращения: 28.04.2020).

³ Война в Сирии [дата публикации: 05.09.2017], *Левада-Центр*. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/05/vojna-v-sirii/> (дата обращения: 28.04.2020).

⁴ Voice of the People [дата публикации: 2018], *Gallup International*. URL: <https://www.gallup-international.com/surveys/voice-of-the-people/> (дата обращения: 28.04.2020).

⁵ Одобрение российской внешней политики в мире выросло [дата публикации: 25.02.2020], *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/02/26/823814-odobrenie-viroslo> (дата обращения: 06.05.2020).

хотя автор и предлагает исчерпывающий анализ сирийского дискурса, воспроизводимого газетами. Анализ Р. Хинка, Р. Клюера, С. Кули показал, что медиа формировался образ легитимных действий России в Сирии в сравнении с нелегитимными действиями США (Hinck, Kluer and Cooley, 2018). Официальный же дискурс первоисточников обоснования – государственных акторов, изучен мало и в случае присоединения Крыма, и в случае действий РФ в Сирии, хотя именно они (государственные акторы) формируют внешнеполитическую повестку, согласно законным полномочиям и осуществляют изначальное обоснование для аудитории (Brace and Hinckley, 1992; B. Dan Wood and Jeffrey S. Peake, 1998; Peake, 2001).

Настоящая статья фокусируется на анализе официального обоснования внешней политики РФ применительно к присоединению Крыма к России и военной операции РФ в Сирии с 2014 по 2019 г. Как уже было сказано выше, Крымский и Сирийский казусы можно считать индикаторами внешней политики РФ после 2014 г. Во-первых, в обоих случаях РФ официально признавала себя одним из действующих акторов. Во-вторых, внешнеполитические решения заключались не в разовой, однодневной внешнеполитической акции, а предполагали последовательность политических шагов, принятия решений в долгосрочной перспективе. В-третьих, Россия целенаправленно занималась обоснованием своих действий, а не уклонялась от дискуссий. Изучение официального внешнеполитического дискурса показывает, как различались и в чем были похожи стратегии обоснования присоединения Крыма и военной операции РФ в Сирии, что позволяет нам сказать, использовали ли внешнеполитические акторы (президент и представители МИД) обоснование внешней политики РФ после 2014 г. *стратегически* или *ad hoc*; как соотносился официальный дискурс и дискурс СМИ (на основе нашего анализа официального дискурса и уже существующих исследований медиадискурса). Отметим, что разделение на «внутренней» и «внешней» аренах весьма условно, поскольку из-за медиатизации информационного поля в своих выступлениях акторы могут обращаться к разным аудиториям.

Методологические основания исследования

Исследование основано на теории стратегических нарративов (Roselle, Miskimmon and O'Loughlin, 2014). Теория стратегических нарративов помогает понять, каким образом акторы добиываются поставленной коммуникативной цели, основываясь на чем, они формируют свою позицию в международных отношениях, как обретают консенсус сообщества вокруг своей политики. По мнению А. Мискиммона, Б. О'Локлина и Л. Розелль, нарративы являются историями, повествованиями, изложением событий, которые сформулированы акторами в определенном дискурсивном контексте для того, чтобы повлиять на общественное мнение в свою пользу. Политические акторы стремятся сформировать позитивное отношение к собственным политическим решениям и действиям: «Цель для акторов, отвечающих за формирование внешней политики так же, как и для других акторов, которые стремятся повлиять на внешнюю политику – представить внешнюю политику для аудитории так, чтобы она выглядела обязательной и легитимной» (Ibid: 28). Теория стратегических нарративов во многом опирается на постструктуралистский подход в анализе политического дискурса и исходит из общих с постструктурализмом презумпций о том, что отношение аудитории к политике может конструироваться посредством языка, риторики (см. Hansen, 2006).

Стратегические нарративы представляют собой «репрезентацию последовательности событий и идентичностей, коммуникативный инструмент, посредством которого политические акторы пытаются придать определенное значение прошлому, настоящему и будущему с целью достижения политических целей» (Miskimmon, O'Loughlin and Roselle, 2013: 2). Выделяют три уровня стратегических нарративов - system narrative (системный нарратив) – служит для описания положения вещей, того, как «устроен мир», кто акторы в международной среде, каковы их действия. National/identity narrative (национальный, нарратив идентичности) – содержит рассказ о ценностях, идентичности актора, нации, государстве. Issue narrative (нарратив о проблеме) – информирует о том, какова проблема, политика и почему именно она нужна, как она осуществляется. Согласно теории стратегических нарративов, чтобы осуществлять успешную стратегию, акторам необходимо принимать во внимание чужие нарративы, тем самым собственный нарратив становится более конкурентным. При этом, в обосновании с целью легитимации внешней политики может происходить формулирование нарративов для внутренней аудитории и внешней аудитории (Ibid). Так, нарративы российских государственных акторов в международных отношениях артикулируются в коммуникации с другими агентами, чьи нарративы могут противоречить собственному повествованию актора, то есть в условно называемой агрессивной коммуникативной среде (см. Почепцов, 1986). Конкурирующими нарративами являются

смысловые схемы, формируемые государственными акторами и медиа других стран. Развитие новых медиа, привело к тому, что публика обладает доступом к широкому кругу источников информации, которые предлагает «новая коммуникативная среда» (Roselle, Miskimmon and O’Loughlin, 2014: 77), в этой связи и внутри государства люди становятся более критичными в отношении нарративов, что порождает их соперничество (contestation). В то же время, акторы могут давать собственную трактовку нарративам оппонента для внутренней аудитории. Следовательно, для того чтобы собственный нарратив мог стать привлекательнее, чем нарратив оппонента, акторы должны учитывать не только культурные особенности публики, но и уже существующие дискурсы, которые люди склонны воспринимать положительно или отрицательно.

Использование стратегических нарративов является частью коммуникативной стратегии обоснования. Литература предлагает множество определений коммуникативных стратегий, например: «коммуникативная стратегия есть алгоритм, используемый участником с целью достижения его цели в интеракции» (Koit, 2018), «коммуникативная стратегия есть речевой акт, который включает в себя определенный теоретический план (намерения) и осуществляется посредством коммуникативных тактик» (Cindori *et al.*, 2019). Мы понимаем *коммуникативную стратегию* как набор средств, используемых в краткосрочном или долгосрочном периоде для достижения коммуникативной цели посредством коммуникации и риторики. Стратегия обоснования политики является коммуникативной стратегией, поскольку она преследует коммуникативную цель, а обоснование осуществляется стратегически для достижения краткосрочной или долгосрочной цели. *Стратегии обоснования внешней политики* можно определить как способы коммуникативных действий с использованием в определенном дискурсивном контексте особых риторических средств, направленных на формирование положительного отношения, одобрения и принятия внешнеполитического курса внутренней аудиторией, в зарубежном обществе, политическими акторами, акторами международной политики.

Чтобы сравнивать стратегии обоснования присоединения Крыма к РФ и военной операции РФ в Сирии, мы предлагаем определять следующие стратегии обоснования, которые позволят нам дать характеристику коммуникативному поведению российских акторов на основе содержания стратегических нарративов разных уровней. Так, когда акторы выражают своё мнение, определяют своё отношение к тому или иному вопросу, ситуации, тем самым предполагая, что это отношение ложится в основу их политических действий и решений, стратегией обоснования является *декларация позиции*. Если актор посредством использования нарратива обвиняет оппонента в неправомерных и неприемлемых действиях или решениях, выделяется стратегия обоснования *коммуникативной атаки*. В случае, когда акторы не обосновывают свою политику, стратегией обоснования можно считать *уклонение от дискуссии*. Когда акторы транслируют оправдательный нарратив, подтверждающий неправомерность их действий, или соглашаются с позицией оппонентов, такой стратегией обоснования является *признание позиции оппонентов*. Если актору предъявляются обвинения и актор формулирует нарратив о несогласии с необоснованными обвинениями, стратегия обоснования – *коммуникативная защита*. Когда оппонент предъявляет обвинение актору, а актор транслирует нарратив о вине оппонента, стратегией обоснования является *коммуникативная контратака*. Выявив данные стратегии, мы сможем определить, каким было коммуникативное поведение российских акторов; были ли использованы похожие стратегии обоснования присоединения Крыма и операции РФ в Сирии с 2014 по 2019 гг.

Методом исследования является качественный контент-анализ, осуществляемый на базе компьютерной программы QDA Miner. Задано 7 категорий кодов, подразумевающих наличие суб-кодов, выделяемых в процессе анализа:

1. Акторы. В нашем исследовании анализируется официальный дискурс российских внешнеполитических акторов – президента и представителей МИД России, формирующих и осуществляющих внешнеполитический курс государства. Их выступления субкодированы по типам: представители МИД РФ, президент РФ.
2. Стратегические системные нарративы. Представляют собой повествование, описывающее картину мира, действия акторов в международной системе, их характеристика.
3. Стратегические национальные нарративы. Представляют собой повествование, описывающее государственную, национальную идентичность, национальные ценности и цели.
4. Стратегические нарративы о проблеме. Представляют собой повествование, описывающее проблему, на решение которой ориентированы конкретные политические действия и решения; почему эти действия и решения необходимы для решения данной проблемы, как выбранная политика может её решить.

5. Основания нарративов – то, к чему апеллируют нарративы, что составляет их смысловое ядро. Например, апелляция к коллективной памяти, использование политического мифа, секьюритизация, апелляция к международной практике и другие основания нарративов, выделяемые в процессе анализа, являются субкодами.

6. Стратегия обоснования – характеризует коммуникативное поведение актора. Субкоды: декларация позиции; коммуникативная атака; коммуникативная защита; коммуникативная контратака; принятие позиции оппонента.

7. Цель. Субкоды первого уровня: долгосрочная – обоснование цепи связанных политических действий, решений, осуществляемых в долгосрочной перспективе, существующих в международном политическом дискурсе продолжительное время; краткосрочная – обоснование цепи связанных политических действий, решений, осуществляемых в краткосрочной перспективе. Субкоды второго уровня: мобилизация, легитимация, отвлечение внимания, информирование.

После того, как были определены стратегические нарративы, их основания, выявлены стратегии обоснования, производится сравнение стратегий обоснования, применяемых акторами для Крымского казуса и Сирийского казуса. Затем происходит сравнение внешнеполитического дискурса государственных акторов с российским медиадискурсом на основе существующих исследований.

Эмпирической базой исследования служат 46 стенограмм выступлений В.В. Путина с 2014 по 2019 гг.; 49 стенограмм выступлений министра иностранных дел С.В. Лаврова; 24 стенограммы выступлений постпреда РФ при ООН В.И. Чуркина; 17 стенограмм выступлений постпреда РФ при ООН В.А. Небензи; 11 стенограмм выступлений заместителей представителя РФ при ООН и специальных представителей МИД. Данные источники были найдены при помощи поисковых систем порталов «Президент России», «МИД РФ», «Постоянное представительство РФ при ООН» согласно тематике и заданным хронологическим рамкам поиска. Для изучения контрдискурсов были проанализированы отчеты заседаний СБ ООН, содержащие выступления представителей других государств, посвященных крымскому и сирийскому казусам.

Стратегические системные нарративы в обосновании присоединения Крыма к РФ и военной операции РФ в Сирии с 2014 по 2019 гг.

С 2014 по 2019 гг. международная система описывалась российскими акторами с использованием похожих стратегий в случае обоснования присоединения Крыма и в случае операции РФ в Сирии.

Таблица 1

Стратегические системные нарративы, используемые в обосновании присоединения Крыма и военной операции РФ в Сирии

Стратегии обоснования	Актеры	Основные нарративы в обосновании присоединения Крыма	Основные нарративы участия России в военных действиях в Сирии
Коммуникативная защита + Коммуникативная контратака; <i>после 2015 г.</i> Коммуникативная атака	Россия vs Запад	Запад нарушает международное право Конституционный переворот на Украине, поддержанный Западом Запад применяет двойные стандарты в отношении Крыма	Конкуренция за влияние и ресурсы Незаконность нахождения Западных стран в Сирии Вина Запада в появлении терроризма в Сирии Запад использует экстремистов в своих целях Запад применяет двойные стандарты в отношении Асада

Окончание табл. 1

Стратегии обоснования	Акторы	Основные нарративы в обосновании присоединения Крыма	Основные нарративы участия России в военных действиях в Сирии
Декларация позиции		Продолжение холодной войны	Окончание холодной войны/новые вызовы
	Россия и Крым	Крым – часть России	-
	Россия и Сирия	-	Кто Асад для России Официальное приглашение РФ в Сирию
	Россия и Иран, и Турция		Россия вместе с Турцией и Ираном

В обосновании присоединения Крыма к РФ и операции РФ в Сирии международная система описывалась по модели противостояния России и стран Запада. При этом, формировался негативный образ действий Запада, которые дестабилизируют мировой порядок, навязывают свои правила, преследуют исключительно свои цели, используя нелегитимные методы, а действия России описывались напротив, как «правильные» в целях сохранения мирового порядка и стабильности.

Применение стратегий обоснования зависело от коммуникативной позиции РФ, и это обусловлено наличием контрдискурсов, продуцируемых контр-акторами. В случае обоснования присоединения Крыма основными контр-акторами являлись представители США, Великобритании и Украины, в случае обоснования действий РФ в Сирии – США, Великобритании, реже Франции. В отношении присоединения Крыма к РФ Запад апеллировал к нарушению Россией территориальной целостности, прав Крымских татар, агрессивному поведению в отношении соседнего государства. В случае действий РФ в Сирии РФ обвинялась в поддержке нелегитимного режима Асада и в эскалации военного конфликта в Сирии. В этом смысле, международная система, описываемая контракторами, выглядела противоположно российскому описанию. В случае обоснования присоединения Крыма Россия изначально находилась в коммуникативной позиции ответчика, что определяло использование стратегий *коммуникативная защита* и *коммуникативная контратака*, вторая подразумевала выдвигание взаимных обвинений западным акторам. Ситуация несколько отличалась в случае действий РФ в Сирии. Это объясняется тем, что сомнительные, с точки зрения права, действия коалиции во главе с США задолго предшествовали российской военной операции в Сирии. Поэтому уже страны Запада были поставлены в позицию ответчика, что позволяло российским представителям использовать стратегию *коммуникативная атака*, апеллируя к ошибкам стран Запада, их формально незаконному нахождению в САР. Поскольку обоснование присоединения Крыма осуществлялось и после того, как Россия начала обосновывать свои действия в Сирии, более выигрышная коммуникативная позиция РФ по отношению к сирийской операции, по сути, использовалась и для обоснования присоединения Крыма к РФ. По факту, стратегия *коммуникативная контратака* в случае обоснования Крыма была трансформирована в стратегию *коммуникативная атака* с начала обоснования действий РФ в Сирии, а описание международной системы, в которой Запад – дестабилизирующая сила в международных отношениях был подкреплен аргументами, используемыми в обосновании сирийской операции РФ.

Отличия в использовании системных нарративов в обосновании обоих кейсов можно найти в нарративах *продолжающаяся «холодная война»* (Крым) и *окончание «холодной войны»/новые вызовы* (Сирия). Оба нарратива были использованы В.В. Путиным. Различия в нарративах заключаются в понимании, что такое «холодная война». В первом случае она описывается президентом как противостояние стран Запада и России, шантаже и агрессии Запада у российских границ. Во-втором случае, В.В. Путин понимает «холодную войну» в смысле наличия или отсутствия идеологического противостояния, которое на данный момент отсутствует, а напротив, существуют другие вызовы, например,

терроризм, которому Россия и страны Запада должны противодействовать совместно. Такой различный подход к пониманию может объясняться тем, что *нарратив применялся в разных контекстах*: в первом случае президент описывал международную систему на внутривнутригосударственном мероприятии, а во втором – данный нарратив был использован на совместной пресс-конференции с Д. Трампом. Вероятно, существовала надежда на то, что отношения США и России наладятся, что обусловило более мягкий подход к описанию системы.

Другим отличием является использование нарратива *Россия, Иран и Турция*, целью которого было показать, что Россия – не одна, а совместно с другими международными игроками, в частности, и членом НАТО – Турцией стремится добиться мирного урегулирования Сирийского конфликта. В случае же крымского обоснования модель конструирования нарратива – *Россия и другой актор* не применялась.

Таким образом, описание международной системы через использование системных нарративов содержательно не различалось в обосновании Крымского и Сирийского казусов, однако стратегии обоснования *коммуникативная защита, коммуникативная контратака*, изначально используемые для обоснования Крымского казуса, с началом обоснования Сирийского казуса перешли в *коммуникативную атаку и заявление позиции*, что может свидетельствовать о достаточно агрессивном коммуникативном поведении и четко занятой коммуникативной позиции.

Стратегические национальные нарративы в обосновании присоединения Крыма к РФ и военной операции РФ в Сирии с 2014 по 2019 гг.

В случаях присоединения Крыма и операции РФ в Сирии преимущественно использовались разные нарративы, однако все они соответствовали общей коммуникативной стратегии, используемой акторами РФ – *декларации позиции*.

Таблица 2

Стратегические национальные нарративы, используемые в обосновании присоединения Крыма и военной операции РФ в Сирии

Стратегии обоснования	Акторы	Основные нарративы в обосновании присоединения Крыма	Основные нарративы участия России в военных действиях в Сирии
Декларация позиции	Россия и Крым Россия и Украина	Единство	-
	Россия и Ближний Восток	-	Россию, Сирию и Ближний Восток много что связывает
	Россия vs советская власть	Возвращение домой – восстановление исторической справедливости	-
	Россия и Херсонес	Херсонес	-
	Россия и Сирия	-	Сирия – колыбель религий

Окончание табл. 2

Стратегии обоснования	Актеры	Основные нарративы в обосновании присоединения Крыма	Основные нарративы участия России в военных действиях в Сирии
	Россия	-	Ценности России У России есть уникальный исторический опыт Российские военные – сыновья и дочери великой Родины России есть, чем гордиться Россия ничего не боится; Россия самодостаточная страна Россия –многонациональная и многоконфессиональная

Можно найти сходство в моделях конструирования нарративов для обоих случаев – Крымского и Сирийского. Так, нарратив *единство*, сначала повествующий об единстве народов России и Украины, позже народов России и Крыма, имеет сходство с нарративом *российские военные – сыновья и дочери великой Родины*. В обоих случаях, нарратив основан на идее об единой нации, едином народе, который поддерживает друг друга. При этом, есть сходства и с нарративом *Россию, Сирию и Ближний Восток много что связывает*, который также построен на идее об единстве, только в этом случае уже России и Ближнего Востока. Вероятно, апелляция к тому, что наш народ един, должна была легитимировать участие российских военных и их жертвы в боевых действиях на территории другого государства, тем самым проблемы другого государства как бы становились и «нашими» проблемами, которые «мы» должны решить.

Другой схожей моделью конструирования национальных нарративов можно обнаружить в нарративах *Херсонес* и *Сирия – колыбель мировых религий*. Описывается значимость территории для россиян, в частности верующих. По сути, используется политический миф с целью достижения наибольшего эмоционального эффекта. В случае обоснования сирийской операции происходила апелляция к тому, что в России многие исповедуют ислам, что должно было стать объединяющей единицей для мусульман России и Сирии. При этом, Сирия описывалась и как источник происхождения мировых религий, не только ислама, но и христианства, что должно было консолидировать не только мусульман, но и христиан.

Посредством использования других национальных нарративов в обосновании присоединения Крыма президент и представители МИД апеллировали к исторической значимости Крыма для России, при этом создавали образ справедливого решения российской власти о возвращении Крыма, против образа несправедливого решения советской власти об отделении Крыма от России.

В случае обоснования действий в Сирии формировалась особая значимость России как государства, сохраняющего приверженность традиционным – правильным ценностям, которые схожи с мусульманскими ценностями, в смысле отличия от западных ценностей – вседозволенности. Описывался плюрализм России в отношении народов, её независимость и возможность осуществлять собственную волю.

Тем самым, внешняя политика России посредством использования национальных нарративов обосновывалась через апелляцию к тому, что «мы» осуществляем собственную волю из-за необходимости помогать «собратям» и сохранения общей культуры. Общность культуры России и Сирии достаточно неоднозначна, поэтому формировалась важность других религии и ценностей через описание их как наших религии и ценностей. В случае обоснования российской операции в Сирии было использовано большее количество национальных нарративов, чем в случае обоснования присоеди-

ния Крыма к РФ. Однако, данные нарративы в случае Крыма являлись более комплексными, использовались на протяжении 5 лет В.В. Путиным и представителями МИД РФ. При этом, в обосновании действий РФ в Сирии, в большинстве случаев такие нарративы использовались единожды и чаще всего только на внутренних ассамблеях, на военных мероприятиях, мероприятиях для СМИ и в основном президентом. Вероятно, российские акторы стремились использовать национальные нарративы как более эффективные именно для внутренней арены, для поддержания воинского духа и консолидации общества.

Стратегические нарративы о проблеме в обосновании присоединения Крыма и военной операции РФ в Сирии с 2014 по 2019 гг.

Нарративы о проблеме изначально подразумевают описание разных проблем в разных случаях, тем не менее, стратегии обоснования присоединения Крыма и действий РФ в Сирии через нарративы о проблеме совпадали. Стратегией так же, как и в случае национальных нарративов, была *декларация позиции*.

Таблица 3

Стратегические нарративы о проблеме, используемые в обосновании присоединения Крыма и военной операции РФ в Сирии

Стратегии обоснования	Акторы	Основные нарративы в обосновании присоединения Крыма	Основные нарративы участия России в военных действиях в Сирии
Декларация позиции	Россия vs Запад	Радикалы получили власть на Украине	
	Россия и крымчане	Россия обеспечивает права человека в Крыму	
	Россия vs НАТО	Угроза ограничения доступа к Черному морю	
	Россия vs террористы		Террористическая угроза
	Россия		Почему Россия использует ВЕТО Россия возвращает часть контингента в Россию Россия демонстрирует оружие и волю российской армии
	Россия и Сирия		Россия оказывает гуманитарную помощь Восстановление инфраструктуры
	Россия и русские		Угроза «русскому миру» Российские военные защищают интересы российского народа

В обоих кейсах связующей для описания проблемы моделью было конструирование связи с угрозами. По сути, осуществлялась идентификация экзистенциальной угрозы (см. Buzan and Waever, 2003). Так, в обосновании присоединения Крыма действия России описывались как ответ на проблему угрозы для жизни крымчан, следовательно, действия объяснялись как необходимые для обеспечения безопасности крымского населения от радикалов. В.В. Путин говорил и об угрозе со стороны НАТО, которая возникнет в случае, если Крым останется украинским. Также использовался нарратив, основанный на идее глобальной важности действий РФ через повествование об угрозе «русскому миру», где «русский мир» – не только россияне, крымчане, а все русские, разделяющие русскую культуру и считающие себя таковыми. В случае обоснования сирийской кампании действия России объяснялись как полезные глобально для всего мира. Терроризм описывался как глобальная угроза не только для Сирии или России (куда могут вернуться выходцы из ИГИЛ, тогда России придется бороться с террористами на своей территории – этот аргумент стал частью внутрirosсийского дискурса), но для всего мира (который столкнется с глобальной угрозой терроризма); поэтому Россия приняла решение использовать вооруженные силы не для защиты Асада от оппозиции, а для защиты мира от террористов.

Использование нарративов о проблеме в случае присоединения Крыма и действий России в Сирии существовало в схожей динамике. Изначально описывалась угроза как проблема, которую нужно предотвратить, решить. Затем, в ходе решения этой проблемы, угроза по-прежнему представлялась как опасная и требующая активных действий. После того, как угроза была предотвращена, проблема решена, использовались нарративы, формирующие образ России – победителя и президента России – *триумфалиста*. Заявления о *разгроме терроризма*, например, делал только В.В. Путин, тем самым, вероятно, хотел ассоциировать военную победу со своим лидерством, причем мировым, потому что терроризм – проблема глобального характера. Президент также использовал повествование о необходимости показать миру, что Россия обладает оружием и волей его применять. После этого использовались нарративы, повествующие уже о проблемах гуманитарного, невоенного характера, которые Россия также стремится решить. В случае Крыма – это права человека. В случае Сирии – это оказание гуманитарной помощи сирийцам, восстановление инфраструктуры.

Таким образом, посредством нарративов о проблеме формировался «благородный» образ России, которая пришла на помощь, решила проблему, но не ушла, а продолжила оказывать поддержку, при этом её действия важны глобально для всего мирового сообщества, а не только для конкретного региона.

Заключение

Присоединение Крыма и действия РФ в Сирии, как уже было сказано, являлись проявлением внешнеполитического курса РФ после 2014 г. Стратегии обоснования присоединения Крыма и действий РФ в Сирии имели общие черты, что свидетельствует о том, что обоснование внешней политики РФ после 2014 г. было стратегическим, а не представляло собой ряд *ad hoc* обоснований. Формировался образ Запада – дестабилизатора международной системы и образ России, стремящейся к кооперации и сохранению многополярности. Ценности и культура России противопоставлялись *неправильным* ценностям Запада, при этом в случае Сирии ценности России описывались как единые, в том числе, с традиционными мусульманскими ценностями. Национальные нарративы использовались преимущественно президентом, в меньшей степени представителями МИД России, чья аргументация больше строилась через обращение к международному праву, что справедливо, поскольку обоснование представителей МИД часто осуществлялось в ООН, где коммуникация, как правило, основана на презентации собственных действий через призму международного права. Тем самым, использование коммуникативных стратегий зависело от контекста. Описание проблем и необходимости активных, военных мер для их решения происходило через апелляцию к секьюритизации – региональной в случае Крыма и мировой – в случае Сирии. Вместе с тем, после 2015 г., российские акторы стремились опустить крымскую дискуссию в международных коммуникациях, считая, что «решенный вопрос» не подлежит обсуждению, в то время как вопрос Сирии обсуждался достаточно активно, что может говорить о том, что российские акторы в случае обоснования действий в Сирии видели для себя перспективы в обретении политической значимости для России в данном конфликте. Также отметим, что осенью 2015 г., российские акторы выражали стремление к кооперации с западными странами в сирийской операции, однако это являлось скорее *ad hoc* казусом, чем стратегией, о чем может свиде-

тельствовать краткосрочность подобных вкраплений в официальный российский дискурс, поскольку до осени 2015 г. и после декабря 2015 г. акторы занимали контрапозицию к действиям Запада.

Сравнивая официальный дискурс и медиа-дискурс, можно подтвердить доводы С. Хатчингса и Дж. Шостек касательно использования схожих нарративов в обосновании присоединения Крыма к РФ властью и медиа. Также можно подтвердить и вывод Д. Стровского о том, что медиадискурс мог зависеть от официального дискурса в обосновании действий РФ в Сирии, поскольку и официальные акторы, и медиа в целом транслировали схожий дискурс.

Таким образом, внешнеполитические действия и решения России обосновывались решительно, через использование агрессивных стратегий обоснования. Вероятно, данные стратегии были обусловлены наличием агрессивного контрдискурса, а целью обоснования было заявление собственной политической позиции, создания альтернативного западному подходу к пониманию происходящего в международных отношениях. Это может объяснить согласие большей части внутренней аудитории с российским внешнеполитическим курсом. Однако, в случае присоединения Крыма всё произошло быстро, не было военного конфликта, что во многом обусловило поддержку российским населением такой политики. Уменьшение доли согласных с российской операцией в Сирии после 2016 г. внутри страны может быть обусловлено «усталостью» от потерь и затяженности войны, тем самым российская внешняя политика Сирии изначально имела больший «раздражающий» потенциал для внутренней аудитории, в отличие от крымского случая. Вместе с тем, улучшение восприятия российской внешней политики в мире в 2019 г. может быть обусловлено переходом от активных военных действий к гуманитарным и к их обоснованию, то есть к донесению информации о таких действиях России до аудитории, что постепенно реформирует агрессивный образ России в доброжелательный образ России на международной арене.

Библиографический список

- Барановский, В. (2016) 'Новая внешняя политика России: влияние на международную систему', *Мировая экономика и международные отношения*, 7, сс. 1–15. [Baranovskiy, V. (2016) 'Russia's new foreign policy: an impact on international system' [Novaya vneshnyaya politika Rossii: vliyanie na mezhdunarodnuyu sistemu], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya*, 7, pp. 1–15. (In Russ.)].
- Власов, А. А. and Брега, А. В. (2018) 'Крым и политика легитимности в международных отношениях', *Вестник МГИМО-Университета*, 1, сс. 26–41. [Vlasov, A. A. and Brega, A. V. (2016) 'Crimea and policy of legitimacy in international relations' [Krym i politika legitimnosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 1, pp. 26–41. (In Russ.)].
- Мясников, С. А. (2019) 'Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений', *Политическая наука*, 3, сс. 222–235. [Myasnikov, S. A. (2019) 'Legitimation and justification of policy: analysis of conceptual distinctions' [Legitimacia i obosnovanie politiki: analiz konceptualnykh razgranichenij], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 222–235. (In Russ.)].
- Почепцов, Г. Г. (1986) 'О коммуникативной типологии адресата', в: Лазарев, В. В. (ред.) *Речевые акты в лингвистике и методике*. Пятигорск: Межвузовский сборник научных трудов, сс. 10–16. [Pocheptsov, G. G. (1986) 'About communicative typology of the addressee' [O kommunikativnykh tipologiyax adresata] in: Lazarev, V. V. (eds.) 'Speech acts in linguistics and methods' [Rechevye акты v lingvistike i metodike]. Pyatigorsk: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, pp. 10–16. (In Russ.)].
- Томсинов, В. А. (2014) «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией», *Вестник московского университета. (Право)*, 5, сс. 3–31. [Tomsinov, V. A. (2014) 'Crimean law' or legal basis for the reunion of Crimea and Russia' [Krymskoe pravo, ili juridicheskie osnovaniya dlya vossoedineniya Kryma s Rossiey], *Vestnik moskovskogo universiteta. (Pravo)*, 5, pp. 3–31. (In Russ.)].
- Averre, D. and Davies, L. (2015) 'Russia, Humanitarian intervention and the Responsibility to Protect: the case of Syria', *International Affairs*, 91(4), pp. 813–834.
- B. Dan Wood and Jeffrey S. Peake (1998) 'The Dynamics of Foreign Policy Agenda Setting', *The American Political Science Re-*

- view, 92(1), pp. 173–184. doi: 10.2307/2585936.
- Baranovsky, V. (2015) 'From Kosovo to Crimea', *The International Spectator*, 50(4), pp. 275–281.
- Bebier, A. (2015) 'Crimea and the Russian-Ukrainian conflict', *Romanian Journal of European Affairs*, 15(1), pp. 35–54.
- Brace, P. and Hinckley, B. (1992) *Follow the Leader: Opinion Polls and the Modern Presidents*. New York: Basic Books.
- Buzan, B. and Waever, O. (2003) *Regions and Powers: The structure of International Security*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Cindori, S. et al. (2019) 'The influence of the communicative strategy on the degree of protectability of texts in the Modern Political Discourse.', *SHS Web of Conferences*, 69, pp. 1–6. Available at: URL: <http://proxylibrary.hse.ru:2048/login?url=https://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=edb&AN=139909213&site=eds-live>.
- Dannreuther, R. (2015) 'Russia and the Arab Spring: Supporting the Counter-Revolution', *Journal of European Integration*, 37(1), pp. 77–94.
- Geiss, R. (2015) 'Russia's annexation of Crimea: The mills of international law grind slowly but they do grind', *International Law Studies*, 91(1), pp. 426–447.
- Grant, T. D. (2015) 'Annexation of Crimea', *American Journal of International Law*, 109(1), pp. 68–95.
- Hansen, L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. New York: Routledge.
- Hinck, R. S., Kluver, R. and Cooley, S. (2018) 'Russia re-envisioning the world: strategic narratives in Russian broadcast and news media during 2015', *Russian Journal of Communication*, 10(1), pp. 21–37.
- Hutchings, S. and Szostek, J. (2015) 'Dominant narratives in Russian political and media discourse during the Ukraine crisis', in McGlinchey, S., Karakoulaki, M., and Oprisko, R. (eds) *Ukraine and Russia: people, politics, propaganda, perspectives*. Bristol: E-International Relations, pp. 183–196.
- Karaganov, S. A., Cherniavskaia, K. I. and Novikov, D. P. (2016) 'Russian Foreign Policy: Risky Successes', *Harvard International Review*, 37(3), pp. 74–79. Available at: www.jstor.org/stable/26445846 (Accessed: 20 August 2020).
- Koiv, M. (2018) 'Reasoning and communicative strategies in a model of argument-based negotiation', *Journal of Information and Telecommunication*, 2(3), pp. 291–304.
- Marxsen, C. (2014) 'The Crimea crisis – the international law perspective', *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 74(2), pp. 367–391.
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B. and Roselle, L. (2013) *Strategic narratives: Communication power and the new world order*. London: Routledge.
- Peake, J. S. (2001) 'Presidential Agenda Setting in Foreign Policy', *Political Research Quarterly*, 54(1), pp. 69–86. doi: 10.2307/449208.
- Roselle, L., Miskimmon, A. and O'Loughlin, B. (2014) 'Strategic narrative: A new means to understand soft power', *Media, War & Conflict – Cali*, 7(1), pp. 70–84.
- Stent, A. (2008) 'Restoration and revolution in Putin's foreign policy', *Europe-Asia Studies*, 60(6), pp. 1089–1106.
- Stent, A. (2016) 'Putin's play in Syria: how to respond to Russia's intervention', *Foreign Affairs*, 95(1), pp. 106–114.
- Strovsky, D. (2015) 'The Media as a Tool for Creating Political Subordination in President Putin's Russia', *Styles of communication*, 7(1), pp. 128–149.

Информация об авторе

Мясников Станислав Александрович – аспирант департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: stanislav.a.m@mail.ru (ORCID: 0000-0001-5398-7337. Researcher ID: B-6219-2018).

Статья принята к печати: 30.10.2020

**THE JUSTIFICATION STRATEGIES OF RUSSIAN FOREIGN POLICY SINCE 2014:
A STUDY OF THE CASES OF CRIMEA JOINING RUSSIA AND RUSSIAN MILITARY
OPERATION IN SYRIA**

S. A. Myasnikov

National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Annotation

The trajectory of the Russian foreign policy changed in 2014 as Russia deviated from its foreign policy principles. A specific justification was needed in order to legitimize Russian foreign policy domestically and abroad. Russian officials provided such a justification. It was successful on the domestic level, but its effectiveness on the international level was questionable. This article undertakes an analysis of the justification strategies of Russian foreign policy after 2014, with a focus on those, which were used by Russian authorities in their justification of Crimea joining Russia and Russian actions in the Syrian Arab Republic. It is shown why the justification could be considered as strategic. Applying the instruments of the strategic narratives' theory, the author reveals the main strategic narratives of Russian foreign policy officials. The article discovers that the main justification strategies were communicative defense, communicative attack, communicative counter-attack, and position declaration. The communicative position of the Russian Federation in the case of Crimean justification could be explained as initially difficult, but gaining a communicative position in the justification of Russian actions in Syria could positively support the justification of the Crimean case.

Keywords: Syria; Crimea; Russian foreign policy; justification strategies; legitimation; V.V. Putin; Ministry of foreign affairs; international communication.